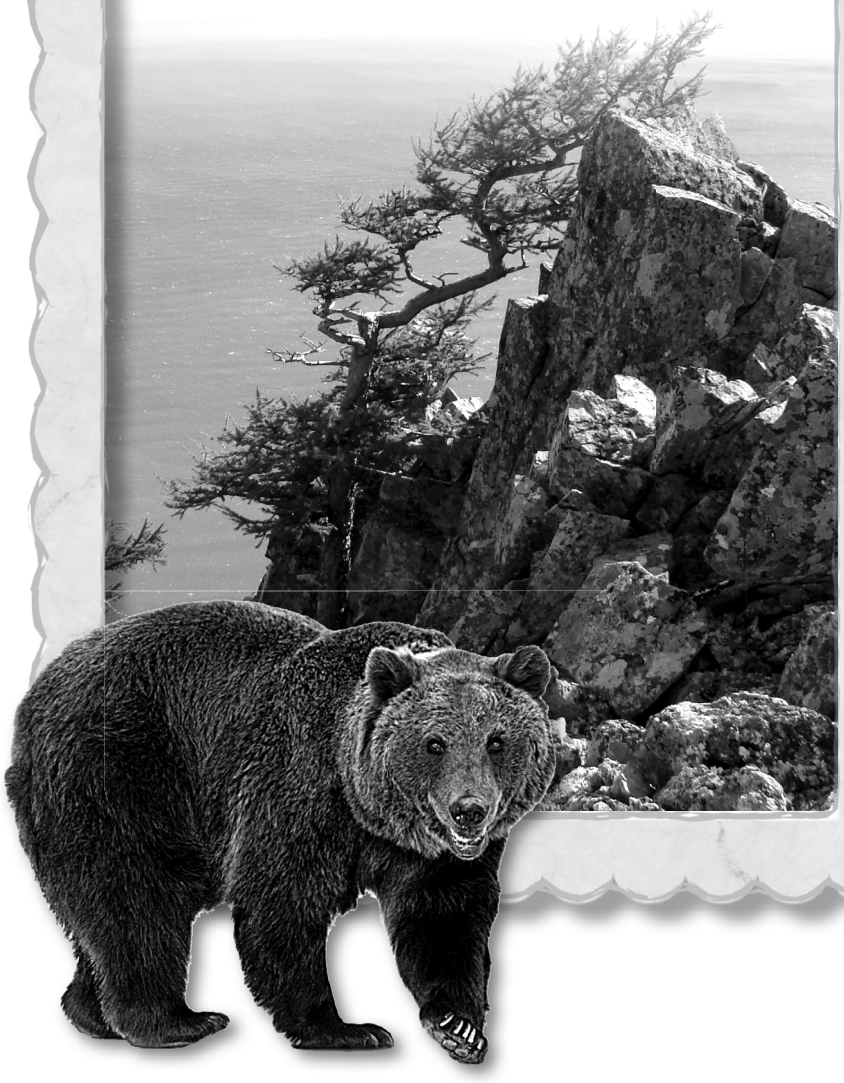
ПОВЕСТИ

Посвящается Нине Степановне Титенковой, без благой, доброй воли которой не случилось бы сей замечательной книги.

Автор.

ЗАПИСКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОХОТНИКА

Повесть

По мне Пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью.
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою.

Да где-нибудь в пёстром Судане
Нубиец, свершивши намаз,
О раненом солнце-тимпане
Причудливый сложит рассказ.

И будет два солнца на небе,
Две раны в гремящих веках, —
Пурпурное — в Ленинской требе,
Сермяжное — в хвойных стихах.

Николай Клюев

Глава 1
РАСПЛАТА

На приткнутом к стене зимовья верстаке, я скоблил чучуном грубый камас, когда до меня, от широкого плёса, долетел карабинный, отрывистый выстрел.

Дремавший под тенью лабаза Джелон, подскочив с тёплой, хвойной подстилки, стал отрывисто лаять, на бежавшую берегом горной реки, полосу тёмного, хвойного леса.

Крепко набитой, вдоль склона хребта зверовою тропой, шли ко мне в гости оленные эвенки. Пастухи не любили моей очень злобной, похожей на волка собаки, потому что она, много раз, с громким лаем, гоняла по склонам хребтов, их пугливых оленей.

Стреляя от мелкого плёса в базальтовый чёрный прижим, пастухи, так давали мне знать, о своём приближении.

Взяв ошейник, подошёл я к своей, громко лаявшей в марь, тёмно-рыжей собаке и, в который уж раз, стал твердить назидательно псу:

— Глупый пёс, — говорил я ему.

—Ты что, милый братец, оглох?

—Иль, ты вовсе не слышишь, как серебряным, нежным, заливистым звоном, непрерывно звучит под лохматою шеей оленя, старинной якутской работы чоран?

— Тебе, видно, брат, всё равно, что орон, что сокжой, что баран, лишь бы только копыта стучали?

Злой кобель, как большим помелом, виновато водил, по пожухлой осенней хвое, своим пышным хвостом и, стыдливо уткнув в землю взгляд, тяжело и утробно вздохнув, как видно во всём, соглашался со мною.

Когда из — за дальних, обрывистых, тёмных хребтов, приезжали ко мне в гости эвенки, для кобеля наступали тоскливые, грустные будни. На брезентовом, крепком ремне, он лежал неподвижно в тени зимовья и, прищурив глаза, неотступно следил, за беспечно бродившими, рядом с избушкой, домашним, пугливым оленям и, мне часто казалось, что, скажи я ему коротко — «усь», он, порвал бы на мелкие части, этих, так ненавистных его, страстной, охотничьей, злобной натуре, безобидных рогатых пришельцев.

Положив в печь сухих мелких дров, я поставил на жаркий огонь большой чайник и, раскатав по жердям длинных нар сохатинную, мягкую шкуру, вышел на берег широкой, таёжной протоки.

Присев, на закрытую грубой дерюгой, широкую чурку, я долго смотрел, как спокойно несёт, свою тёмную воду, лесная протока, в шумевшую, дальним, товарным составом, большую, таёжную реку.

Вскоре, я чёткоо услышал, тоскливое пенье чорана, и оленный, совсем небольшой караван, отделившись от кромки елового леса, потемневшей к зиме, серой марью, направился, к мирно дымившему в небо белёсым дымком зимовью.

На высоком и сильном ездовом олене, ехал к моей, потемневшей от времени, вросшей по окна таёжной избушке пастух.

— Тооу — то! — кричал громко эвен, тряся в воздухе крепкой, рябиновой палкой.

Кричал больше пастух для меня, радуясь, что застал он хозяина дома, ну а палкой, грозил он моей тёмно — рыжей собаке, намекая, коварному псу, что он, ежели что, то получит удар, по неровной, костлявой хребтине.

Обхватив сапогами могучую грудь ездового, пастух, потянув за собой караван из глубокой сырой мочажины, проехал по краю широкой поляны и, опираясь на крепкую палку, плавно сполз из седла, на густую траву.

Сыромятною, длинной уздой, обнял он лиственный, твёрдый как кость, тёмный ствол и, быстрым движением рук, затянул на узде крепкий узел. Небрежно швырнув грубый узел в траву, пастух, разминая затёкшие ноги, вразвалку пошёл мне навстречу.

Так же легко, опираясь на тыевун, опустилась на землю, нарядно одетая эвенка и, так же, как муж её, Павел, вразвалку, пошла мне навстречу.

Мы обнялись и, крепко похлопав друг друга по спинам, стали снимать с грузовых, грубых сёдел, набитые, разным, походным, охотничьим скарбом, тяжёлые, грубые сарыки.

Освободившись от сёдел и потников, олени, отрывисто фыркая, стали мелко трястись, расправляя помятую потником, жёсткую, серую шкуру.

Берегом тихой протоки, Павел отвёл своих верных помощников к отрогу, бежавшего к тёмной протоке хребта и там, сняв с них уздечки, отпустил он, кормиться своих ездовых, на заросший. густым, пышным ягелем склон.

Я, словно ждал к тёмной ночи гостей и, из жирных ленков, наварил ароматной ухи.

За каплей спиртного, совсем не заметно, пошёл наш, таёжный, простой разговор.

— Ранней весною. стрелял наш пастух, возле речки большого медведя, — стал рассказывать Павел.

— Стрелял он его неудачно, и медведь, оклемавшись, за долгое лето, от страшной, пронзившей насквозь его пули, сначала разбил в ключе лабаз обидчика, а потом, он пришёл к нам на зимнюю базу и устроил там страшный погром.

«Не стреляй ты медведя, — много раз говорили мы все, Николаю Петровичу.

— Старый ты и слепой, и винтовка твоя кладёт пулю боком. Этот зверь очень мстительный, злой, он накажет тебя и всех нас за такую обиду».

— Но какая — то жадность, потребность в убийстве, так прочно сидели в этом старом, больном старике, что он, не жалея патронов, бил всё живое, что только лишь видел.

— Наши собаки, — хлебая уху, продолжал тихо Павел, — не держат медведя. Он, большой для них, злой и опасный. Грозный зверь днём и ночью, ходит кругами вокруг нашей базы, карауля Петровича, и мы знаем, что всё это кончится плохо.

Пастух поднял голову и, взглянув мне в глаза, так же тихо продолжил:

— Может быть, ты поедешь со мной, к нам на базу — и возьмёшь в путь дорогу Джелона?

Твой Джелон — очень сильный, бесстрашный кобель, он поставит под верную пулю медведя.

Мне невольно польстила, хорошая слава, о моей молодой и бесстрашной собаке, а в уме: сколько дел перед долгой и трудной зимой.

Но в тайге — как на фронте: погибни, а друзей из тяжёлой беды, как ни есть на то, — выручи.

От всех этих тяжких, безрадостных мыслей я, отвернувшись к окну, ничего не ответил эвенку, лишь только, утробно вздохнув, покачал головой.

Вера с Павлом, легли отдохнуть, на широкие, плотно закрытые шкурами нары, а я стал готовиться, к дальней и тяжёлой дороге.

Ранним утром, пастух подогнал к зимовью ездовых оленей и я, подперев крепкой палкой широкие двери, вслед за Павлом и Верой с трудом оседлав ездового оленя, пристроился к тихо, пошедшему в марь каравану.

— Тооу — то! — закричал, на ворочавших в страхе, большими глазами оленей пастух и, колотя мухалауна палкой, погнал небольшой караван, к глухо шумевшей вдали горной речке.

На обмелевшем к зиме, большом, галечном плёсе, олени напились студёной воды и, помочившись в летевшую мимо них быструю воду, понесли нас, в заросший густым тальником в топкий берег.

Джелона, как щепку, вода понесла вниз по горной реке, и лишь позже, его громкий лай, подсказал мне, что мой сильный кобель бежит где — то рядом.

Леонид Сермягин и эвенка Вера Мукеникова, р. Матара, 1980 г.

Крепко вбитою в мох, зверовою тропой, мы шли до полудня, под чёрным, безжизненным, заросшим колючею елью хребтом и лишь на крутом повороте его от реки, среди старых, заброшенных чумов, мы сделали первый, короткий привал.

Отварной, ароматный таймень, сладкий чай и лепёшки составили нашу трапезу. Ездовые олени, уронив к ногам головы, за час с небольшим отдохнули и мы, вновь, оседлав верховых, по закрайке большой, топкой мари, пошли к перевалу.

Бесконечная марь, вплоть до дальних хребтов, поросла мелким, жёстким кустом голубики, и мы на коротких привалах, упа на колени, бросали в рот, пригоршни сладкой, как мёд, спелой ягоды.

К ночи взяв перевал, мы с трудом протащив караван, через тёмный, густой, плотный стланик, за уздечки спустив ездовых вниз со склона, вышли, к звеневшему в тёмном мохарнике ключику.

— Дыгадындю, — сказал Павел (так зовут местные люди сильно заросшее елью таёжное, мрачное место).

Поставив на маленькой, чистой поляне палатку, мы сытно покушав, у жарко горевшего рядом костра, забрались в уютные, тёплые спальники и, вскоре под звон мелодично звеневших чоранов, совсем незаметно уснули.

Ранним утром, мы вновь оседлав оленей, пошли вверх по ключу на местечко Муротэ. К полудню, проехав закрытый еловым корьём, невысокий лабаз, подъехали мы, к небольшому загону, за которым по склону хребта, бежавшего к речке хребта, стояли большие палатки.

Услыхав нас, залаяли громко собаки и, из серых, двускатных палаток, вышли навстречу нам пастухи.